

D.Q. Adams. A dictionary of Tocharian B. Amsterdam; Atlanta, 1999. 830 p.

Последние годы ушедшего века оказались счастливыми для тохаристики, ознаменовавшись по меньшей мере двумя выдающимися событиями: публикацией найденной в 1974 году тохарской А рукописи буддийского сочинения "Maitreyasamiti-Nāṭaka" [Ji, Winter, Pinault 1998] и выходом "Словаря тохарского В языка" известного американского тохариста Дугласа К. Адамса (далее в тексте указываются страницы этого издания).

Непосредственными предшественниками "Словаря..." могут считаться тох. В глоссарий в книге [Thomas 1964] и этимологический словарь тохарских языков А.Й. ван Виндекенса

[Van Windekens 1976]. Однако первый из них не содержит этимологий, а второй не дает практически никакой грамматической информации; кроме того, издание, подготовленное Д.К. Адамсом, значительно полнее.

"Словарь..." составлен почти целиком на основе уже опубликованных текстов; таким образом, он не содержит большого количества абсолютно новой информации, зато оказывается в высшей степени полезным с точки зрения компактного и четкого представления, выверки и систематизации громадного материала по тох. В языку, накопленного за столет его изучения.

Д.К. Адамс работал над словарем много лет, стремясь сделать его в равной мере доступным и информативным для лексикологов, морфологов, текстологов, компаративистов, буддологов и вообще всех, кто интересуется тохарскими языками. Показательно, что каждая статья "Словаря..." в общем случае состоит из 9 зон: (1) the lemma; (2) designation of word class; (3) gloss; (4) morphological information; (5) textual examples and text references; (6) run-on entries; (7) special notes; (8) etymological notes; (9) cross-references (с. ii). Основным же подробнее на некоторых из них.

Зона "gloss". Как известно, значение многих, в том числе довольно употребительных тохарских слов устанавливается ненадежно или вовсе остается неясным. Д.К. Адамс ни в коей мере не затушевывает это обстоятельство. Напротив, широко использует знаки "?", "??", "±", он словно призывает читателя относиться к его решениям в этой области (в большинстве случаев, как кажется, вполне обоснованным) с необходимой долей осторожности. С данной зоной тесно связаны приведенные в конце книги англо-тохарский указатель и список слов с неизвестным значением. Первый, в частности, позволяет быстро выявить ряды предполагаемых синонимов и квазисинонимов, второй же служит несомненным стимулом к дальнейшей лексикографической работе над тох. В текстах.

Зона "morphological information" содержит сведения о том, какие формы данного слова засвидетельствованы в текстах. Следует отметить, что у склоняемых имен для всех трех чисел — ед., дв. и мн. — приводятся только формы так называемых "первичных" падежей — номинатива, аккузатива, генитива и вокатива, — тогда как формы шести "вторичных" (образуемых от формы аккузатива) падежей не приводятся. Это решение, явно продиктованное стремлением к экономии места, несколько обедняет ценность рассматриваемой зоны, поскольку (мор)фонологические преобразования, происходящие при присоединении окончаний некоторых "вторичных" падежей, далеки от тривиальных и, строго говоря, нигде полностью не описаны. Однако еще большее сожаление вызывает отсутствие в "Словаре..." трех указателей, которые включали бы в себя соответственно формы дв. ч., формы вокатива и формы каузалиса ("вторичного" падежа, выражающего значение причины). Все эти три группы форм встречаются в тох. В достаточно редко, точные правила их образования и/или употребления неясны. Наличие таких указателей сделало бы книгу поистине бесценным источником по тох. В морфологии. И если списки форм дв. ч. и вокати-

вов теперь все же могут быть составлены путем сплошного просмотра словаря (тем более, что Д.К. Адамс скрупулезно приводит форму вокатива не только в том случае, когда она имеет особое окончание, но и в том случае, когда она совпадает с номинативом), то данные о каузалисе по-прежнему остаются недоступными.

Следующая зона, "textual examples and text references", в целом выглядит достаточно информативной. Совершенно правильным и необходимым представляется принятое автором решение указывать аналоги из буддийского гибридного санскрита (переводы с которого и составляют большую часть дошедших до нас тохарских текстов) для всех тох. В слов, для которых они известны. Однако картину портит множество опечаток и очень низкое качество цитирования текстовых фрагментов. Скобки, использованные при публикации текстов, произвольно снимаются, переставляются, круглые скобки (восполнение утраченных букв) заменяются квадратными (ненадежное чтение), не выдерживается размер лакун и т.д. Кроме того, одни и те же фрагменты, приводимые в качестве иллюстраций в нескольких словарных статьях, сплошь и рядом не только выглядят, но и переводятся существенно по-разному. В этом — к счастью, кажется, единственном — отношении пользоваться "Словарем..." как достоверным источником вообще нельзя.

Зона "special notes", явно рассматривавшаяся автором как чисто вспомогательная, представляется нам едва ли не главной удачей "Словаря...". Здравый смысл и разумно критическое отношение к работам предшественников позволили Д.К. Адамсу сделать ряд весьма ценных наблюдений и уточнений, относящихся, что особенно существенно, не только к тохарскому В, но и к тохарскому А языку. Вот несколько наиболее ярких примеров:

kaṣake (с. 148): встретившееся в одном из караванных пропусков (LP1 a2-3) сочетание *kaṣake Puttamitre* обычно рассматривается просто как имя собственное, но, как указывает Д.К. Адамс, "it would make *Kaṣake Puttamitre* the only double name in these records". Предлагаемый Адамсом перевод "кашгарец" кажется весьма правдоподобным;

$k_u^h \text{ sār}$ (с. 186): Д.К. Адамс удачно сопоставляет этот НЛ с тох. $A k_u^h \text{ sār}^*$ ¹, также засвиде-

¹ Знак * после тохарского слова означает, что исходная словоформа соответствующей лексемы не сохранилась и восстанавливается на основе других форм парадигмы (в данном случае — на основе формы локатива).

тельствованием только один раз (A 378 a2) в форме Loc Sg *kusrām*. Отметим, что сохранившиеся контексты как будто позволяют предположить для данной лексемы значение "± копна (волос)";

twāñk- (с. 322–323): ранее глагол АВ *twāñk-* обычно переводился как "einzwängen". На основании блестящего анализа контекстов, в первую очередь в тох. А, Д.К. Адамс показал, что этот перевод ошибочен, а действительное значение глагола *twāñk-* – "надевать/носить (одежду)";

mäl- (с. 456–457): вопреки предшествующей лексикографической традиции, выделяющей только один глагол АВ *mäl-* со значением "± быть сдавленным, стесненным", Д.К. Адамс усматривает здесь три лексические единицы, различающиеся как семантически, так и формально: АВ *mäl-* "давить, подавлять", А *mäl-* "± быть переполненным" и В *mäl-* "± спорить";

yäl (с. 485): род тох. В *yäl* "антилопа" известен только в Pl (женский), род тох. А *yäl* тж. – только в Sg (мужской). Как совершенно справедливо замечает Д.К. Адамс, данное слово (название животного!) следует относить не к переменному, как указано в [Krause, Thomas 1960: 131], а к общему роду;

yāmūttsi (с. 493): Э. Швентнер [Schwentner 1958] предложил для тох. В *yāmūttsi* (= скр. *hamsa*), А *yāmūttsi** значение "фламинго". Д.К. Адамс считает такой перевод неоправданным, поскольку для скр. *hamsa* "гусь, лебедь; водоплавающая птица" значение "фламинго" (если оно вообще представлено) маргинально;

rätik- (с. 531): глаголы АВ *rätik-* (причастие прошедшего времени А *rarätiku*) и А *ritik-* (причастие прошедшего времени А *raritiku*) ранее рассматривались как свободные варианты со значением "рождаться, возникать". Внимательный анализ текстовых примеров и в этом случае позволяет Д.К. Адамсу внести важные уточнения: глагол *rätik-* в действительности означает "излечивать" и "is not to be directly equated with А *ritik-* 'cause to arise, raise'";

lät- (с. 551–553): спряжение глагола *lät-* "выходить" составляет одну из наиболее сложных проблем тохарской морфологии. Тох. В форма 2 Sg Pt этого глагола ранее обычно приводилась в виде *lät*, ср. [Krause, Thomas 1960: 254], однако Д.К. Адамс установил, что в двух бесспорных случаях соответствующая форма выглядит как *lac* (т.е. так же, как форма 3 Sg Pt) и только в одном – как *lat*. Поскольку в этом примере (384 a4) за глаголом следует местоимение *we* "ты", Д.К. Адамс предположил, что конечное *t* является здесь результатом ассимиляции. Как кажется, мы

можем привести по крайней мере один аргумент в пользу этой красивой гипотезы: речь идет о композите *uwärt-tās* "начальник центральной области" (с. 520), где *uwärt* < *uwārc* "полу-; посреди".

О зоне "etymological notes" говорить сложно. Индоевропейская этимология уже многие десятилетия находится в глубоком тупике. Этот тупик порожден, с одной стороны, тем прекрасно понятным большинству исследователей фактом, что "все бесспорные этимологии уже найдены", а с другой – отсутствием необходимой строгости в оценке и филологической, и морфологической, и особенно семантической адекватности предлагаемых сближений и тягой к подмене цельнолексемных реконструкций так называемой "корневой этимологизацией" (яркой иллюстрацией такого положения дел служит словарь Ю. Покорного [Pokorny 1959]). Таким образом, практически для любого слова, не имеющего самоочевидных параллелей в других языках, оказывается возможным приискать две-три внешне приемлемых, но совершенно недоказуемых этимологии.

Применительно к тохарским языкам пространство этимологических возможностей значительно расширяется благодаря особенностям фонетики (оглушение звонких шумных согласных, совпадение в большинстве позиций трех рядов индоевропейских веларных, сложная и не во всех деталях проясненная перестройка вокализма и др.), неразработанности диахронической морфологии, уже упоминавшейся ненадежности значений многих слов. Кроме того, в случае с глагольной лексикой приходится считать еще и с тем поразительным фактом, что – при почти полном отсутствии отыменных глаголов – до сих пор не обнаружено ни одного (!) тохарского глагола, достоверно заимствованного из какого бы то ни было языка.

Такое положение дел не может не порождать обратную реакцию: ср. список наиболее надежных этимологий тохарских слов индоевропейского происхождения, составленный, быть может, даже с чрезмерной осторожностью и насчитывающий всего около 250 единиц, в работе [Бурлак 2000: 235–263].

Д.К. Адамс не во всех случаях избежал соблазна постулировать не подчиняющиеся никаким правилам аблаутные чередования, лишённые сколько-нибудь определенного значения "расширители корня", уникальные префиксальные показатели. Тем не менее явно фантастических сопоставлений в "Словаре..." совсем немного, а наличие в нем десятков и сотен слов с пометами "etymology unknown", "etymology dubious", "etymology

unselan" и т.д. (пусть даже, по нашему мнению, их вполне могло бы быть и раза в полтора больше) – огромный шаг вперед по сравнению со словарем А.И. ван Виденекса, автор которого, похоже, искренне полагал, что в тохарских языках осталось от силы 6–7 лексем, требующих дальнейших этимологических разысканий.

Сложную проблему составляет оценка довольно внушительного корпуса предполагаемых иранизмов в тохарском, приводимых в работах Х.У. Бейли, А.И. ван Виденекса и других исследователей. Некоторые из этих этимологий вполне убедительны; однако в большинстве случаев гипотетический иранский источник либо вообще не засвидетельствован, либо изолированная внутри самих иранских языков, либо чересчур далеко отстоит от тохарской лексемы по значению. Д.К. Адамс занимает по отношению к этой группе этимологий достаточно осторожную позицию, справедливо, на наш взгляд, возражая против иранского происхождения таких слов, как *amākspānte** "± возница" (с. 19), *aršāklo* (A *ārṣal*) "змея" (с. 24), *ām** "молчание; тихо" (с. 44), *karās* (A *kārās*) "лес" (с. 142), *peī* "± лезть" (с. 395), *retke* (A *raitāk*) "войско" (с. 539–540) и нек. др.

В силу каких-то причин Д.К. Адамс не решился нарушить давнюю традицию практически полного отказа от этимологизации двух групп тохарской лексики: собственных имен и так называемых "стихотворных размеров" ("meters") – специальных заголовков в форме локатива, вводящих стихотворные вставки в прозаический текст. Конечно, в обеих этих группах заметное большинство составляют санскритизмы, но, безусловно, присутствуют и далеко не всегда очевидные заимствования из других языков, и слова собственно тохарского происхождения. Впрочем, в этом случае дальнейшая работа в данной области существенно облегчается наличием подробных указателей.

Словник "Словаря..." в целом достаточно полон; правда, остается неясным, почему из санскритско-тохарской билингвы, опубликованной в 1958 г. В.С. Воробьевым-Десятовским [Воробьев-Десятовский 1958: 304–308], в "Словарь..." вошла лишь знаменитая формула $k_{\tilde{u}}^2$ *saññe iścake*, представляющая собой перевод санскритского *tokharika* "тохарец (?)". Этот интереснейший текст содержит целый ряд совершенно непонятных, но тем не менее несомненно тохарских В слов – *yanāst*, *truskāññāñā*, *kwārkwāññā* (?), *waseṣṣe*, *nalkwe*, *saṣaññe* и др.; для некоторых из них даже известны санскритские эквиваленты.

Отметим еще две случайные лакуны: *sanghālambaṃ* (361 a4; < скр. *saṅghālamba-na*) "сангхаламба (дар буддийской общине)"; *sumāṃskāine* (346 a3) название "стихотворного размера" 4 × 14 слогов. Данная форма весьма интересна в словообразовательном отношении: она представляет собой диминутив от *sumām* "жасмин" (< скр. *sumanā*).

Огромный по объему (более 20 страниц!) список литературы служит лишним доказательством титанической работы, проделанной автором "Словаря...". Разумеется, не составляет труда назвать некоторое количество статей и даже книг, в этот список не вошедших, однако ясно, что полный учет всех работ, содержащих сведения по тохарской текстологии, грамматике и этимологии – задача, принципиально невыполнимая. Тем не менее, отсутствие в списке одного-единственного названия вызывает грустное удивление и недоумение. Речь идет о "Thesaurus linguae Tocharicae dialecti A" П. Поухи [Poucha 1955]. Пренебрежительное отношение к этой изданной кустарным способом и содержащей бессмысленное количество опечаток книге давно стало среди тохаристов своего рода модой; между тем нельзя не согласиться с Ж.Ж. Пино, отметившим, что она "continue à rendre de grands services, en l'absence de tout autre instrument de travail" [Pinault 1999: 192]. И действительно, обращение к "Тезаурусу...", несомненно, позволило бы Д.К. Адамсу избежать многих неточностей (см., в частности, ниже).

Кроме того, в составе списка – например, при перечислении работ замечательного исландского тохариста Йорундура Хилмарссона – обнаруживается некоторая путаница.

Прочие технические погрешности в "Словаре..." отчасти объясняются его большим объемом: разные словарные статьи готовились в разное время, и автор не везде привел первоначальную интерпретацию в соответствие с более новой.

Разумеется, многие статьи "Словаря..." допускают разного рода исправления и дополнения. Ниже приводятся некоторые из них (ср. также [Burlak, Itkin 2000]):

anāntapa "?" (с. 11): тох. А соответствие этого HL – *ānāntāpā* – обнаруживается в рукописи Maitreyasamiti-Nāṭaka. К сожалению, фрагментарность тох. В контекста не позволяет верифицировать предложенный для тох. А слова перевод "of endless misery" [Ji, Winter, Pinault 1998: 41–42]. Однако тох. В параллель, по-видимому, исключает интерпретацию тох. А формы как существительного в перлативе [Там же]; скорее рассматриваемое слово представляет собой наречие;

areisa "??" (с. 22): судя по сохранившемуся контексту (*[k]e*naṣṣe *areisa* /III/ (526 b2) "земельный..."), как-то связано с *āre* "плуг (?)", хотя детали остаются неясными;

iše "??" (с. 67): вариант восклицательного междометия *yše* "о!". Фрагмент, в котором встретилась форма *iše* (в "Словаре..." он процитирован неточно), вполне ясен: *seṃ* [ʃ]auṣāṃ i[ʃ]e nai sā(suwa) /III/ (566 b4) "их зовет (он): «о, сыновья!»". Отметим сочетание *iše* с усиленной частью *nai* – такое же, как в приведенном Д.К. Адамсом примере (с. 521): *yše lareṃ nai* (231 b2/3) "о, дороге!". То же междометие в виде *ṣe*, *yše* отмечено и в тох. А [Poucha 1955: 34, 252];

kem "земля" (с. 192): в перечне форм отсутствует G Sg *kenantse* (331 a1);

garurñaiṣṣe "??" (с. 245): несомненно, производно от *garur**, заимствованного из скр. *garuḍa* "Гаруда (имя царя птиц)". Отражение скр. *ḍ* в виде тох. *r* хорошо известно, ср. *kuruḥi* "растение *Tinospora cordifolia*" < скр. *guḍūci* и т.д. Существование тох. *V garur**, соответствующего тох. А *karuṣe**, отмечено уже в [Poucha 1955: 53];

grakṣe "??" (с. 247): хотя контекст, в котором встретилось это прилагательное, не вполне ясен, привлекательной выглядит гипотеза о том, что оно производно от слова "планета" (< скр. *graha*; в тох. В представлено только в форме Loc Pl *gra[h]anman(e)*). Необычное чередование *k* (в конечнослоговой позиции) ~ *h* (перед гласным) находит точный аналог в тох. А, ср. N-Acc Sg *grak*, Instr Sg *grakyo* – N-Acc Pl *grahāntu* [Poucha 1955: 100]. Таким образом, в тох. В для существительного "планета" также следует предполагать N Sg *grak**;

tapani "??" (с. 279): возможно, заимствовано из скр. *tapani* "пыл; зной". Сохранившийся скудный контекст – || *tapani ysā* /III/ (563 a2) – поддерживает эту гипотезу: вероятно, следует читать *tapani ysā(rane)* "жар в крови";

Tarmawirñe (с. 282): вопреки указанию Д.К. Адамса, представляет собой не личное имя (скр. *Dharmavīra*), а образованное от него притяжательное прилагательное. Соответствующий фрагмент – *tarmawirñe iskil parra iyaṃ* (LP-15 a2/3) – должен интерпретироваться как "iskil Дхармавиры пройдет"; таким образом, для HL *iskil* можно предполагать значение типа "помощник, представитель";

pantuk "??" (с. 356), *wrāk-* "??" (с. 615): Д.К. Адамс вслед за В. Томасом [Thomas 1979: 57] предлагает для трудной последовательности *pantukwrākār* (H-149.69 b4) членение *pantuk wrākār*, рассматривая *wrākār* как форму 3 Pl Pt А от неизвестного глагола *wrāk-*. На наш взгляд, более правдоподобным выглядит чле-

нение *pantu kwrākār*, предполагающее выделение лексемы *kwrākār*. Наличие двух *ā*, практически невозможное в собственно тохарской глагольной форме, при такой трактовке легко объясняется вокализмом источника – скр. *kūṭāgāra* "комната под крышей" (приводимое Д.К. Адамсом *kūṭagāra* – ошибка или опечатка). Ранее тох. В слово было известно только в виде обрывка *kwra* /III/ (572 a2), причем предложенная в [Sieg, Siegling 1953: 358, сн. 9] и принятая в "Словаре..." (с. 239) реституция *kwra(kar)* сомнительна; ср. более логичное *kwrakār* в [Thomas 1964: 191]. Значение HL *pantu* остается неизвестным (< скр. *bandhu* "родственников, товарищ"??);

piṣṣik* "(женская) грудь" или "сосок" (?) (с. 389): вместо *piṣṣikne(sa)* следует читать *piṣ-yikne(sa)* "пятью способами"; таким образом, лексемы *piṣṣik** не существует (данное недоразумение уже отмечалось в тохаристической литературе), рассматриваемая статья должна быть снята;

peṣnettannm "??" (с. 400): разумеется, данная форма может быть только результатом неверного чтения. Не имея возможности ознакомиться с фотографией соответствующего фрагмента (P-3 a5), рискнем предложить чтение *peṣtentants* – G Pl от *peṣṣe* – прилагательного от неясного *peṣṣe* (Адамс: "± червь" (?));

mudgulyāyani "??" (там же): очевидно, представляет собой записанный с ошибками в передаче гласных G Sg от *maudgalyāyane* "Мадгальяяна" (имя одного из учеников Будды);

yāknaikne "??" (в статье *yakne* "способ", с. 481): композит, построенный по распространенной модели парных наречий с распределительным или усилительным значением и с точностью до исходной падежной формы соответствующий тох. А *wkāṃ-wākā* "разными способами". Написание *yāknaikne*, передающее морфонологическое [*yākné-yāknel*], аналогично таким примерам, как *pelaikne* (*pele-yāknel* "дхарма (религиозный закон)" (*pele* "закон" + *yakne* "способ")), *itaite lité-ite* "?? полный-полный" (*ite* ~ *ite* "полный"); данная лексема досадным образом отсутствует в статье *ite*, но приводится на с. 306);

yirpo(-je) "??" (с. 502): тождественно *yarpo* "доброе деяние, заслуга", о чем свидетельствует и контекст: *saṅghālambaṃ yirpo [e]* /III/ (361 a4) "сангхаламбана (именуемое) доброе деяние...". Колебание *ā* ~ *i* после *u* представлено в тох. В чрезвычайно широко, ср. *yākṣiye* ~ *yikṣiye* "мукá", *yārṣalñe* ~ *yirṣalñe* "почтение", *yārp-* "надзирать" – *yirṣuki* "± смотритель" и др.;

walānem "??" (с. 581): эту форму, встретившуюся во фрагменте *piñña saukem walānem* (429 a5) "он натянул ... ..", следует интерпре-

тировать как Acc Pl существительного *walāne**, точно соответствующего тох А *walān**. Этот HL тоже представлен в форме Acc Pl в сочетании с глаголом *pañ-* (= В *pāñ-*) "натягивать", ср. *puḥ wrasañ* : *pañwar walānās soṃsam orpañsam wotār ārkyaṃ wātṣyās śāwam cañkār swāñcem* (А 63 а4) "все люди натягивали... на улицах и помостах ставили белые зонтики большие, не пропускали луч" (приведенное объяснение принадлежит С.А. Бурлак). Тох. А контекст позволяет с достаточной уверенностью предполагать для рассматриваемого слова значение "± тент". Если это действительно так, пратох. **walāne* должно быть связано с АВ *wāl-* "покрывать, заслонять";

wrente(-) "?" (с. 616): как указала нам С.А. Бурлак, скорее всего тождественно *wrenta* N-Acc Pl от *ore* '± грязь': как во фрагменте *kārpa nāṣṣa lyyāsa wrenta po laikāte* (107 б4) "he descended, bathed, washed away the dust and cleaned himself up completely" (с. 121), так и во фрагменте *po kektseñā ṣanapatsi wrente* /// (W-14 а2) "все тело смазать (х) *wrente*..." речь идет о "гигиенических процедурах". Форма *wrente* вместо *wrenta* – описка (повторение *e* предшествующего слога) или опшибка чтения;

śuktyā "?" (с. 633): заимствование из скр. *śukla* 'белый, светлый'. Данная этимология совершенно очевидна и, по-видимому, была ясна и автору "Словаря...", ср. перевод части строки 580 б4 в статье *krorīya** "рог": *tarnene krorīyai śu[k](ly)[d]* /// "the bright horn on the top of the head" (с. 218). Тем не менее слово *śuktyā* по какой-то причине осталось в "Словаре..." неразъясненным;

śkwaśko "барбарис" (с. 638) встретилось также в форме *śkwāsko* (500. 6) [Sieg. Siegling 1953: 311, сн. 12];

sarmwātstse* "?" (с. 677): при всей сложности интерпретации соответствующего фрагмента (462 а5), несомненной представляется связь этого прилагательного с АВ *sārm* 'семья'. Поскольку для тох. В дериваты с суффиксом *-wātstse* как будто нехарактерны, не исключено, что перед нами – один из редчайших примеров заимствования из тох. А, где отмечены такие производные, как *tampewāts* "могучий", *tārśomwāts** "ложный", *pañitswāts* "великолепный" и др. Точное значение прилагательного *sarmwātstse** неясно.

В завершение еще раз отметим, что "Словарь тохарского В языка" Д.К. Адамса значительно превосходит все предшествующие лексикографические работы по обоим тохарским языкам и, можно думать, еще очень и очень долго будет оказывать неоценимую помощь исследователям.

дв. ч. – двойственное число

скр. – санскритский

тох. – тохарский

А – активный залог

Acc – аккузатив

G – генитив

HL – *hapax legomenon*

Instr – инструменталис

Loc – локатив

N – номинатив

N-Acc – номинатив-аккузатив

Pl – множественное число

Pt – претерит

Sg – единственное число

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бурлак 2000 – С.А. Бурлак. Историческая фонетика тохарских языков. М., 2000.
- Воробьев-Десятовский 1958 – В.С. Воробьев-Десятовский. Памятники центральноазиатской письменности // Уч. зап. Института востоковедения АН СССР. М.; Л., 1958. Т. 16.
- Burlak, Itkin 2000 – S. Burlak, I. Itkin. *ṣmāncakam* et autres addenda et corrigenda // Tocharian and Indo-European studies. V. 9. Copenhagen, 2000.
- Ji, Winter, Pinault 1998 – Ji Xianlin (in collaboration with W. Winter and G.-J. Pinault). Fragments of the Tocharian A Maitreyasamiti-Nātaka of the Xingjiang Museum, China [Transliterated, translated and annotated by...] (Trends in linguistics. Studies and monographs. V. 113). Berlin; New York, 1998.
- Krause, Thomas 1960 – W. Krause, W. Thomas. Tocharisches Elementarbuch. Bd. 1. Heidelberg, 1960.
- Pinault 1999 – G.-J. Pinault. Restitution du Maitreyasamiti-Nātaka en tokharien A: Bilan provisoire et recherches complémentaires sur l'acte XXVI // Tocharian and Indo-European studies. V. 8. Copenhagen, 1999.
- Pokorny 1959 – J. Pokorny. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern; München, 1959.
- Poucha 1955 – P. Poucha. Thesaurus linguae Tocharicae dialecti A. Praha, 1955.
- Schwentner 1958 – E. Schwentner. Toch. A *yamutsi*, В *yamuttsi* 'Flamingo' // Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung. Bd. 75.
- Sieg, Siegling 1953 – E. Sieg, W. Siegling. Tocharische Sprachreste. Sprache B. Hft. 2, Fragmente № 71–633. Göttingen, 1953.
- Thomas 1964 – W. Thomas. Tocharisches Elementarbuch. Bd. 2. Heidelberg, 1964.

Thomas 1979 – *W. Thomas*. Formale Besonderheiten in metrischen Texten des Tocharischen zur Verteilung von *B tane / tne* "hier" und *ñake / ñike* "jetzt" // Mainz, Akademie der Wissenschaften und der Literatur. Abhandlungen der geistes- und social wissenschaftlichen Klasse. Jahrgang 1979. № 15. Wiesbaden, 1979.

Van Windekens 1976 – *A.J. van Windekens*. Le Tokharien confronté avec les autres langues indo-européennes. V. 1. La phonétique et le vocabulaire. Louvain, 1976.

И.Б. Иткин